

Х. ГРАСГОФФ

ИЗ ИСТОРИИ СВЯЗЕЙ
БЕРЛИНСКОГО ОБЩЕСТВА НАУК С РОССИЕЙ
В 20-х ГОДАХ XVIII в.

С самого своего основания в 1700 г. Немецкая Академия наук в Берлине — в то время Бранденбургское общество наук — была тесно связана с русской наукой и культурой.

Задолго до основания Петербургской Академии наук некоторые русские деятели также заботились об укреплении русско-немецких научных связей. В Архиве Немецкой Академии наук хранятся восемь писем Гюйсена 1724—1727 гг., в которых содержатся интересные свидетельства о связях Академии с русской культурой.

Общие интересы связывали русского барона с пришедшим на смену Лейбницу М.-Л. Принтценом, который возглавлял Академию до 1725 г., и с вице-президентом и придворным проповедником Даниелем Эрнстом Яблонским. Последнему адресованы упомянутые письма.

Подобно своим берлинским знакомым, Гюйссен стремился к созданию реформированной, независимой от Рима церкви, в которой слились бы все некатолические христианские религии, в том числе и русская церковь. В письме от 13 марта 1726 г. он сообщал Яблонскому: «Il y a long temps que j'ay approuvé et pressé l'union des Eglises protestantes» (97).¹ Когда после смерти Петра I в России делались попытки ограничить свободу вероисповедания, Гюйссен жаловался своему корреспонденту: «Mrs. du Sinode entreprennent d'établir une jurisdiction sur les églises des étrangers et la coutume et la immunité dont les étrangers sont en possession depuis tant de siècles».

Гюйссен знал «протектора» Берлинской Академии М.-Л. Принтцена со времени совместного учения в Утрехте, центре янсенизма

¹ Архив Немецкой Академии наук, отдел I, V, 5а — «Переписка Общества с иностранными корреспондентами» (номера листов указываем в тексте в скобках).

(96). Принтцен, со своей стороны, был в курсе русских дел, так как с 1699 по 1701 г. состоял прусским посланником при русском дворе и установил хорошие отношения с Петром.²

Избранный 28 апреля 1710 г. почетным членом берлинского Общества, барон Гюйссен способствовал избранию туда русских ученых. По его предложению 1 августа 1714 г. почетным членом Общества был избран Дмитрий Кантемир. В письме от 10 февраля 1724 г. Гюйссен рекомендовал вице-президенту священника английской фактории в Петербурге Т. Консетта: «Il est assidu à traduire plusieurs ouvrages Russes en Latin ou Anglois et à recueillir les curiosités de ce pais» (57). К письму была приложена собственноручно написанная англичанином просьба к Гюйссену помочь его избранию в члены Общества. Об авторитете Гюйсена свидетельствует тот факт, что уже 17 мая просьба Консетта была исполнена.³

С такой же быстротой последовали выборы доктора М. Шендован дер Беха (17 июля 1726 г.),⁴ который был рекомендован Гюйссеном 3 июня как военный врач при генерале Лесси (Lescy) и автор изданного в Аугсбурге труда «Empirica illustris per septem nobilissima europisti familiaria remedia...» (100). По словам Гюйсена, Бех был много лет лейб-медиком валашского господаря Маврокордато и домашним врачом сыновей Д. Кантемира (100).

Имя Кантемира вообще встречается часто в переписке Гюйсена. 10 февраля 1724 г. он пишет из Москвы о том, что сыновья покойного Кантемира дали согласие на издание Обществом наук завещанного ему Кантемиром труда «Dacia antiqua et nova» (позднейший титул «Descriptio Moldaviae») (57). К сожалению, продолжает Гюйссен, секретарь покойного находится в отъезде и для окончательного решения следует подождать его возвращения из Петербурга. Следующее письмо подтверждало согласие сыновей ученого (58). В протоколах Общества находится запись от 1 ноября 1724 г., отмечающая прибытие от Гюйсена географической карты к «Дакии». Самую рукопись должны были привезти сыновья Кантемира.⁵

Из письма Гюйсена от 19 октября 1725 г. известно, что Петр I позволил Антиоху Кантемиру отправиться для учения за границу: «...le jeune prince me l'apportera (рукопись отца, — Х. Г.) quand il se mettra en voyage, suivant les ordres que l'Empereur défunt a donnés en ma présence».⁶

² См.: Allgemeine Deutsche Biographie, Bd. 26. Leipzig, 1888, стр. 596—600.

³ Deutsche Akademie zu Berlin, Biographischer Index der Mitglieder, bearb. von K.-R. Biermann und G. Dunken, Berlin, 1960, стр. 23.

⁴ Там же, стр. 102.

⁵ Архив Немецкой Академии наук, отдел IV, № 7 — «Протоколы заседания», 1721—1727, стр. 227.

⁶ Там же, отдел I, V, № 5, стр. 3. См.: П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 578.

Гюйссен настойчиво добивался издания трудов Д. Кантемира. Он писал к Яблонскому 13 марта 1726 г.: «Si Mr. Frisch se trouve assez fort de traduire du livre Rus sien imprimé icy in folio de religion e Turcarum par le feu Prince Cantemyr, je pourrois le luy envoyer, parcequ'icy on ne trouve personne désœuvré pour entreprendre cette version» (97). Однако Яблонский выразил сомнение в том, что Фриш сможет выполнить эту задачу. «Книга система, или Состояние мухамеданския религии» (СПб., 1722) осталась непере переведенной.

Перевод «Дакин» также задерживался. Очевидно, не без оснований Гюйссен считал, что в него следует внести кое-какие изменения. В письме от 3 июня 1727 г. он сообщал своему корреспонденту о том, что Бех взял на себя переработку книги: «Comme il a fait de bonnes observations en ce pais-là, j'ai cru qu'il seroit en estat d'augmenter Daciam Cantemiri, et en cette vue je luy ay conseillé . . . il prist chez luy, comme il a fait, le manuscrit du Prince défunt sur „Dacia veteris et nova“. Il promet de l'envoyer ensuite à la Societé augmentée de ses notes et additions suivant son Postscriptum et suivant la disposition de l'auteur défunt, fût ce malgré les héritiers, qui ont toujours promis vouloir les apporter eux-mêmes, quand ils commenceroient leurs voyages en Allemagne qui sont toujours différés» (100). И все же рукопись так и не попала в Берлин. А. Кантемир, получив назначение в Лондон, взял ее с собой, но не нашел для нее издателя. Лишь в 1769 г. она была напечатана в Гамбурге в немецком переводе.⁷

Старания Яблонского печатать рукописи и переводы, присылаемые из России, большей частью достигали цели. Гюйссен писал 13 марта 1726 г. о том, что в Ревеле были изданы по-латыни две речи на смерть Петра, авторами которых были «Ph. Procoroviz, Archevêque de Novgorod» и «Archimandrit Gabriel Buzinski» (96 об.). В другом письме к Яблонскому (от 3 июня) он советовал перевести их на немецкий язык: «... en beau Latin, avec la relation de morte et obitu Petri Magni. Un libraire peut-être n'y perdroit rien, s'il faisoit traduire tout ensemble en Allemand». Гюйссен предлагал при этом свою помощь и писал о Прокоповиче: «En ce cas je pourrois envoyer curriculum vitae, les écrits et les éloges de ce digne Prélat, qu'on regarde comme le Primat de l'Empire par le grand crédit qu'il a en cour et dans le haut Sénat» (100 об.). В том же письме он сообщал полный титул речи Прокоповича на смерть Петра: «Lacrymae Roxolanae seu de obitu Petri Magni. Rev. Johann Köhler, Reval, 1726» (101).

Яблонский, как это видно из заметок на полях, собирался организовать немецкий перевод этого произведения.⁸ По совету Гюйс-

⁷ См.: В. Н. Ермура тский. Общественно-политические взгляды Дмитрия Кантемира. Кишинев, 1956, стр. 43—44.

⁸ Этот же перевод был издан в Гамбурге, и там же появился в 1726 г. немецкий перевод с латинского.

сена, он намеревался также купить и переслать Прокоповичу несколько экземпляров его торжественной речи по поводу победы под Полтавой. Эта речь была издана по-латыни в Киеве в 1709 г. и в Лейпциге в 1711 г. Один из экземпляров этого «Панегирика», принадлежавший Гюйссену, попал тогда же через Консетта в Галле к А.-Х. Франке.⁹

П. Н. Берков в своей работе о Т. Консетте подробнейшим образом исследовал его переводческую деятельность и познакомил читателей с новыми и важными материалами о жизни и творчестве этого подлинного пионера русско-английских литературных связей.¹⁰ Тринадцать писем Консетта к Д.-Э. Яблонскому 1724—1728 гг. и три наброска ответного письма берлинского вице-президента могут служить некоторым дополнением к этим материалам.

Пресвитер Томас Консетт не только с готовностью переводил для Общества русские произведения на латинский или английский язык, но и использовал Немецкую Академию наук для распространения этих переводов, «qu'il promet d'adresser ouverts à la Société pour les envoyer ensuite en Angleterre aux Evêques ses amys, auxquels on peut le flatter qu'il pourra succéder un jour» (57).¹¹ Яблонский переправлял письма своего коллеги в Англию, как это видно из черновика его письма от 20 июня 1725 г.: «Au Secretaire de la Société de Propaganda. C'est pour satisfaire un ami, qui m'a instamment prié de remettre à la célèbre Société de la propagation de l'évangile dans les pais éloignés et fondée dans Votre Royaume les rariers joints ici» (90). Вероятно, речь идет о проповеди Консетта по поводу смерти Петра I, первом публичном выступлении на эту тему, состоявшемся 7 февраля 1725 г.¹² Латинская речь появилась в 1725 г. в Ревеле под заглавием «Concio in qua plorata est mors Petri Magni». ¹³ Английский вариант этой проповеди, напечатанный впоследствии в «Present State», Яблонский послал в Англию, в «Общество по распространению христианства в отдаленных странах». Латинский же текст ее Гюйссен расценил как несовершенный и написал Яблонскому 3 июня 1726 г.: «La version latine, que Mr. Conzet Vous a envoyée, a esté faite à la hâte, et point en estat pour être imprimée en Latin. Elle peut servir pour une version en Allemand. Vous aurez bientôt un autre exemplaire en latin revu par

⁹ На титульном листе этого экземпляра сохранилась помета Консетта «Petropoli 1726 Tho. Consett. Ex dono Baronis Huysseni Collegii delicti ibidem consilarii» (см. E. Winter Halle als Ausgangspunkt der deutschen Rußlandkunde im 18 Jh Berlin, 1953, стр. 116, табл. 1)

¹⁰ П. Н. Берков. Томас Консетт, капеллан английской фактории в России (К истории русско-английских литературных связей в 1720-е годы) — В кн. Проблемы международных литературных связей Под ред. Б. Г. Рейзова, Л., 1962, стр. 3—28.

¹¹ Из письма Гюйссена к Яблонскому от 10 февраля 1724 г.

¹² П. Н. Берков Томас Консетт, стр. 13

¹³ Там же, стр. 12—13

l'Auteur cum figuris et additionibus, que seroit agréable au public» (100).

Переводческая работа Консетта отразилась в его письмах к Яблонскому. Уже 22 апреля 1724 г. он сообщал: «...ad Te misurus Versionem Anglicanam Regulationis Spiritualis in his Oris Synodus». Там же упомянут и перевод так называемой «Московской старославянской грамматики» («*Slavonica Moscoviensi Grammatica latine reddita*») (84). Яблонский с удовлетворением пометил на полях письма: «*Quod fuerit, gratum erit*». Однако в письме от 4 августа Консетт жаловался на то, что у него нет переписчика и поэтому он не может пока выслать обещанные списки («*versiones*»). 19 января следующего года он снова упоминает о своем переводе православного катехизиса: «*Tres libri in Regulatione spirituali promissi sunt, quorum unus solummodi Catechismus scilicet Typis adhuc mandatus est, cujus versionem additurus sum*» (88). Кроме того, англичанин присылает русский текст и свой латинский перевод «Плачевного книгам целования» Яворского — «*Catologus librorum ... scriptum quasi poeticum, elegicum Carmen*» (85).¹⁴

Берлинское общество наук получило от Консетта в марте 1725 г. собственноручный список проповеди «*Concio congratulatoria de Augustissima Imperatrice Catharina nuper Moscuæ coronata*», которая была произнесена им перед английской общиной в Петербурге 30 июля 1724 г. Консетт сообщал там же, что, по совету друзей, он преподнес текст проповеди царю, который повелел сделать ее русский перевод. Этот список с различными поправками был обнаружен П. Н. Берковым в библиотеке Петра I. Немецкая Академия наук располагает, таким образом, еще одним авторским экземпляром проповеди.

Надежда Консетта на издание этого произведения по-английски или по-латыни не осуществилась. Яблонский, несмотря на самые добрые намерения («*curabo et hoc*»), переслал дальше лишь английский вариант. Как явствует из письма Консетта, этот вариант имел специальное дополнение, в котором делались намеки на английские политические отношения («*Controversia ... repretuæ Turbae...*») (86).

Английский проповедник и литератор разделял со всеми жившими в России иностранцами, которым были близки идеи Просвещения, искренний восторг перед деятельностью Петра. Когда барон Гюйссен предложил ему перевести на латинский язык «Слово на годовщину смерти Петра Великого» рязанского архиепископа Гавриила Бужинского, он выполнил эту работу в кратчайший срок. П. Н. Берков предположил, что Бужинский издал в Берлине латинский перевод своей речи на собственные средства. Материалы архива подтверждают эту гипотезу. Гюйссен писал Яблонскому 6 августа 1726 г.: «*J'espère que Vous aurez reçu ma*

¹⁴ Там же, стр. 7—10.

dernière lettre avec le Sermon funèbre à imprimer chez Vous en Latin, et 4. ducats pro arrha du libraire». Даже почтовые расходы Гюйссен предложил отнести на счет автора (104). Мысль издать немецкий перевод за счет казны была оставлена, и Гюйссен сообщал в Берлин о том, что немецкий перевод проповеди может быть напечатан каким-либо немецким издателем «à ses fraix et à son profit». Бужинский требует лишь возможности купить это издание в Петербурге.

Экземпляры латинского перевода проповеди Бужинского Гюйссен получил из Берлина 17 сентября 1726 г. и отправил их автору. 250 экземпляров были посланы в Россию морем, но, как сообщал Гюйссен в письме от 27 августа 1727 г., корабль затонул близ Петербурга, и все книги погибли. К счастью, Гауде напечатал дополнительно некоторое число экземпляров за свой счет. Гюйссен предложил «les envoyer icy à Mr. l'Évêque Gabriel par une autre occasion, ou bien de faire réimprimer le même sermon en Latin avec l'Allemand à côté...» (98). Такое издание параллельных латинского и немецкого текстов проповеди, очевидно, не состоялось.

Во время пребывания в России Консетт увлекся переводом на латинский язык «Грамматики» М. Смотрицкого.¹⁵ Он считал чрезвычайно важным изучение старославянского языка, так как, по его убеждению, этот язык теснее, чем русский, был связан с языками других славянских народов. В письме к Яблонскому от 19 января 1725 г. Консетт писал об этом: «...omnes Rutheni, Graeci advenaе et Poloni quotquot his in terris commorantur nulla alia untuntur Grammatica, neque Dialectis Ruthenicae rationem habent, quam linguae Slavonicae modice peritus aliquis nullo labore et sola consuetudine callere potest et libros simul omnes impressos legere, tantilla est Ruthena Dialectus ab origines sua Slavonica Discrepantia» (88 об.—89).

Этой же теме посвящена часть его письма от 4 марта (111—112). Консетт полагал, что для изучения русского языка достаточно прибавить к латинскому переводу старославянской грамматики «arrendicis loco» важнейшие правила разговорного языка из грамматики Лудольфа (94). Сделанные Яблонским на полях замечания свидетельствуют о том, что он поддержал идею издания старославянской грамматики по-латыни. В одном из черновиков ответа Консетту вице-президент писал: «...confirmas Grammatica Slavonica Latina a Te reddita multis hic grata est ... continuatio cupide expectatur. Ludolfi Grammatica olim magni aestimata fuit et adeo celeriter distracta est, ut in bibliopolis jam non reperiatur» (109).

Письмо, помеченное 29 ноября 1727 г., было прислано Консеттом уже из Лондона. Из него видно, что еще 25 июля он покинул Россию. По-видимому, деятельный священник не поладил со

¹⁵ П. П. Пекарский. Наука и литература в России, т. II, стр. 500 и сл.

своим начальством в Петербурге, как на то надеялся Гюйссен (в письме к Яблонскому от 13 марта 1726 г. он писал: «*Mr. Conzet s'est reconcilié avec la Factorie Angloise et continue de jouir de ses 700 Roubles per an, qu'on alloit destiner à un autre qui fût plus accomodant à leur vue*») (96 об.).

Переписка, хранящаяся в Архиве Немецкой Академии наук, позволяет заключить, что латинский перевод книги Смотрицкого был завершён Консеттом весной 1727 г.; тогда же было составлено и приложение к «Грамматике». Консетт очень сомневался в том, что ему удастся найти издателя в Оксфорде (117). Поэтому все надежды он возлагал на Берлинское общество наук. В его адрес он посылает через Гюйссена 13 июня 1727 г. вместе с «*Orbis Pictus*» редкий экземпляр «Грамматики» Лудольфа с немецким переводом (115 об.). 4 марта Консетт сообщает о том, что готов выслать свой латинский перевод «Грамматики» Смотрицкого: «*Primum partem hujus versionis redditam vobis fuisse... secundam cum Grammatica slavonica in 4-to perlatam spero, tertiam duabus retro septimanis per viam Rigae misi et jam quartae missiculatione usus ultimam partem Excellentiae Vertrae atque Academicae celebrissimae Beriolensis quam humillime trado*» (111). Яблонский получил затем из Лондона сообщение от 19 ноября о том, что рукописи законченного труда Консетта давно отосланы в Берлин: «*Significare volui, tandem absolutum quod jam pridem promiseram opus. Nostras quidam jam secum attulit reliquam Grammaticae partem, cum praecedente parte hujus manuscripti Grammaticam Slavonicam in 4-to misi, et superiore latine versi, a patre meo Anglici conscripti in Archivis vestris saltem tenendem didi*» (121).

Труд всей жизни Консетта, к сожалению, в печати не появился. Рукопись «Грамматики» в Архиве Немецкой Академии наук обнаружить не удалось. После безуспешных поисков должности Консетт обратился 15 июня 1728 г. к Яблонскому с просьбой помочь ему найти место священника. Вскоре он получил приглашение от английской фактории в Ост-Индии, где и умер в июле 1730 г.

Книга Консетта «*The Present State and Regulations of the Church of Russia*», возвращённая из забвения П. Н. Берковым, и его письма в Берлинское общество наук остаются памятником многолетних трудов этого ученого, посвящённых благородному делу распространения знаний о русском языке и литературе в Англии и Германии.